

УДК 82

**СПЕЦИФИКА ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.П. КРАПИВИНА**

© **Маркина Дарья Ильинична (2020)**, ORCID: 0000-0002-7379-7896, бакалавр, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Российская Федерация, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), youcancallmenetsha@mail.ru

В статье рассматриваются художественные особенности городского пространства в произведениях В.П. Крапивина. Место действия играет важную роль в построении сюжета, создает объемную картину и влияет на поступки героев, их характеры, мечты и отношение к прошлому и будущему. Пространство, в котором живут персонажи, существует по своим законам, что делает его уникальным и самобытным. Целью исследования является сопоставление художественных описаний городского пространства с пространством реально существующих в России населенных пунктов. Перед автором статьи встает вопрос, правомерно ли утверждение, что города крапивинских книг не полностью вымышлены, а имеют реальные прототипы, связанные с жизнью самого писателя. Материалом для исследования послужили произведения Крапивина, написанные в разные годы. Был составлен перечень городов (мы не берем в расчет фантастические произведения, где описаны города из параллельных пространств), условно разделенных на три группы по специфическим особенностям, атмосфере и присущим им чертам. Самую значительную группу составляют приморские города, в которых угадывается большое сходство с Севастополем, игравшим важную роль в жизни самого Крапивина. Свое личное отношение к этому городу, который отличается особым очарованием, писатель вкладывает в души своих героев, мечтающих о далеких путешествиях и неизведанных морях. Читательское впечатление о группе приморских городов формируется благодаря живым и ярким описаниям окружающей действительности, анализируя которые удастся провести параллель с реальными географическими объектами. В заключительной части исследования рассматривается сходство художественного пространства приморских городов Крапивина с описанием вымышленного города Зурбагана из произведений А.С. Грина. Известно, что Зурбаган, который несколько раз изображался писателем, также частично списан с Севастополя, что позволяет провести сравнение городов и найти определенные сходства.

Ключевые слова: В.П. Крапивин, городское пространство, приморские города, Севастополь, А.С. Грин, память.

При знакомстве с творчеством Владислава Петровича Крапивина (1938–2020) невозможно не отметить тот факт, что его романы, повести и рассказы, если учесть различные места действия произведений (начиная от крошечных поселков и заканчивая необъятными космическими просторами), в совокупности являют собой целую вселенную. Художественный мир писателя функционирует по своим законам, делающим его уникальным: это касается и важности моральных норм для структурирования реальности, и причудливой концепции Великого Кристалла, и связи героев не только друг с другом, но и с окружающим их пространством.

Зачастую на страницах книг писателя фантастическая условность и элементы реальной действительности взаимопроникают друг в друга: порой заметен перевес в какую-то одну сторону, а порой об этом даже не успеваешь задуматься, воспринимая их как единое целое. Поэтому, если рассматривать именно городское пространство произведений Крапивина, возникает закономерный вопрос: в текст перенесены знакомые нам города, со своими отличительными чертами и особенностями (пусть порой прячущиеся не под настоящими названиями), либо сопоставление с реальными крупными населенными пунктами является неправомерным? Чтобы ответить на него, потребуется составить перечень городов, которые встречаются в книгах Крапивина, отметить их специфические черты и систематизировать их, вспомнить реальные города с похожими приметам и попробовать соотнести образы с реалиями.

К сожалению, не во всех книгах даются конкретные названия городов (что, впрочем, не мешает прочувствовать их особенности, атмосферу и найти их специфические черты), но можно выделить действительно значимые и тщательно описанные города, у которых есть собственные названия. Стоит отметить, что и в фантастическом цикле о Великом Кристалле встречаются города земного пространства (как, например, Турень в повести «Белый шарик матроса Вильсона»).

Перечень городов: Херсонес/Севастополь (реальное название), Крым (реальное название¹), Преображенск/Краснодзержинск (вы-

---

¹ Крым в художественной вселенной В.П. Крапивина, разумеется, не является названием города (хотя деревни и поселки, называющиеся Крым, в нашей стране есть). Вместе с тем мы сочли необходимым добавить Крым в перечень городов, фигурирующих в произведениях В.П. Крапивина, так как в них он выступает в качестве узнаваемого места с однотипными характеристиками, при-

мышленный город), Город (вымышленный), Каргинск (вымышленный город), Новотуринск (вымышленный город), Устальск (вымышленный город), Старотополь и Византийск (вымышленные города), Турень (вымышленный город), Город Острых Крыш (вымышленный город), Льчевск (вымышленный город), Овражки (вымышленный город), Ново-Канск (вымышленный город), Кобург (вымышленный город²).

Первую группу городов можно выделить, руководствуясь следующими чертами: в них старое сосуществует с новым (деревянные или каменные домики с поломанными заборчиками расположены рядом с многоэтажными домами с разноцветными отражающими стеклами), из-за заброшенных строек складывается ощущение «промежуточного» состояния города, зачастую можно встретить различный строительный мусор (бетон, трубы, кирпичи) и котлованы.

Культура в городах этого типа обнаруживает весьма слабую способность противостоять натиску природы: трава упорно прорастает через асфальт и камни, лопухи и бурьян охватывают заброшенные места или старые домики. Дети зачастую исследуют пустыри и овраги. Проложен асфальт, но он легко может перейти в еле заметную тропинку или располагаться с ней по соседству. Растут березы, порой – дубы, клены, сирень, но самое важное дерево для крапивинских городов – тополь, а тополиный пух – неизменный спутник теплых дней. Тротуары усыпаны кожурой тополиных почек.

Такие города полны не только непохожих друг на друга кварталов, но и закоулков, поворотов и переулков, которые способны завести шагающего по ним человека в такие места, что ему может показаться, что он как будто и не в своем родном городе. Если кварталы с многоэтажными домами похожи друг на друга, то каждый старинный домик с украшениями и кирпичными башенками можно считать неповторимым и особенным.

Своей таинственностью мальчишек привлекают кладбища, старинные колокольни и церкви. Последние могут быть либо заброшенными, либо подвергнутыми утилитарно-профанному пере-

---

ближаясь к чему-то замкнутому и однородному. С некоторой долей условности можно сказать, что Крым – это собирательное название упоминаемых писателем крымских астионимов.

²Немецкий город Кобург, расположенный на реке Иц в центральной Германии, имеет с крапивинским Кобургом только общее название.

устройству (их занимают конторы или склады), либо – в редких случаях – выполняющими свою первоначальную функцию. Старинные места и постройки окружены легендами и особой мистической атмосферой.

При описании городов первой группы часто упоминаются как старые, так и новые наименования городов и улиц, что создает ощущение сопричастности читателя разворачивающемуся историческому процессу. Иногда Крапивин обращается к прошлому – войне, иногда к будущему – когда мальчишки бродят по местам, которые когда-нибудь непременно застроят новыми домами.

Транспортными средствами в городах первой группы обычно служат трамваи и троллейбусы, однако при перемещениях на большие расстояния жители пользуются электричками и экспрессами. В таких городах либо есть озеро, либо текут ручейки или речки желтого цвета, берега которых состоят из глины и покрыты травой и колючками. Неизменными спутниками приключений становятся заросли полыни, репейника, бурьяна, чертополоха, подорожника, одуванчиков, черемухи, клевера, дикой ромашки. Зачастую встречаются парки или сады. Если есть горы/возвышенности, то с них непременно открываются замечательные виды.

Наряду с чертами патриархального быта в городах первой группы присутствуют и признаки модернизации, элементы техногенного пейзажа. Так, в них работают заводы, высятся телебашни, функционируют школы и детские сады, открываются новые гастрономы, магазины, кинотеатры. В некоторых городах жителям доступна такая форма развлечения, как посещение местного цирка.

Перечисленные характеристики городского пространства можно найти в повестях «Та сторона, где ветер», «Валькины друзья и паруса», «Тень каравеллы», «Болтик», «Журавленок и молнии», «Дело о ртутной бомбе», «Белый шарик матроса Вильсона», «Синий город на Садовой» и романах «Мальчик со шпагой» и «Острова и капитаны».

Городам из этих повестей и романов даны названия Преображенск/Краснодзержинск, Картинск, Новотуринск, Устальск, Турень.

Вторая группа городов отличается отсутствием сосуществования старого и нового, природного и человеческого, в них нет закоулков, переулков и загадочных мест, исторических построек. В них – господство многоэтажных домов, похожих друг на друга и связанных прямыми дорогами. Основные цвета таких городов – черный и

грязно-белый. В детском восприятии недостроенные дома кажутся клетками, а уже отстроенные – бездушными коробками.

Указанные характеристики городского пространства можно встретить в воспоминаниях Максима в повести «Болтик» о городе, в котором он ранее проживал, и в воспоминаниях Славика об Усть-Каменске в повести «Трое с площади Карронад».

Третья группа объединяет города приморские. Самое главное в них – это, конечно же, море, оно ярко-синее/сине-фиолетовое, но бывает и желтым, и зеленым. Само оно пахнет йодом, но на его берегу ощущается запах сладких трав или миндаля. И, конечно же, в приморских городах есть скалы и камни.

Основные цвета, используемые при описании городов названной группы, – вышеупомянутый ярко-синий (цвет морской воды или неба) и величественно-белый (цвет построек). По ночам небо становится черным, но сам город никогда не погружается в темноту полностью: горят огоньки и маяки, сверкают звезды. Белые постройки отражают солнечный свет, даже пыль периодически кажется золотой.

В приморских городах практически не бывает тишины: шумят волны, работают моторы и заводы, строятся дома. Если есть море, значит, есть и заполненные бухты, и паруса/крейсера/катера/теплоходы/корабли/якоря, очень важен флот (и в прошлом, и в настоящем, и в будущем); у приморского города обязательно есть долгая история, свидетельства о которой находятся по сей день не только в музеях или на главных площадях с белыми колоннадами и памятниками из мрамора, но и в местах, спрятанных от людских толп.

Дети, которые живут и взрослеют в таких городах, непременно ощущают сопричастность истории. Поэтому очень важна память о прошлом, которая передается из поколения в поколение и «впитывается» через прогулки по городу и непосредственное соприкосновение с частичками минувших времен. Здесь сохраняются и передаются из уст в уста старинные легенды. Например, Город Острых Крыш из неоконченного раннего рассказа «Страна Синей Чайки» хранит легенду, которая отражается в Памятнике Неизвестному Кораблю. А в приморском городе Льчевске из повести «Взрыв Генерального штаба» также живет немало легенд о прошлом, к которым отсылают и три сохранившихся бастиона.

Еще одна причина, по которой мальчишки романтизируют жизнь в приморских городах, как, пожалуй, делал это и сам писатель

в юности, – их величественность и причастность к чему-то удивительному и масштабному. Бульвар Первой осады, улица Парусных капитанов в городе Византийске из романа «Кораблики, или "Помоги мне в пути"», Орудийная бухта из повести «Трое с площади Карронад» – от подобных названий, как было сказано ранее, веет духом многолетней истории, героизма и неповторимой морской романтики.

Важная характеристика городского пространства многих книг Крапивина – это, условно говоря, «послевоенность», но именно в приморских городах, с их флотом, маяками, бастионами, оружием, крепостями, настоящими пушечными ядрами, она ощущается сильнее всего, поэтому эти города можно считать еще и героическими, местами подвигов и славы.

В романе «Давно закончилась осада...», где описывается послевоенный Севастополь, восприятие города делится на «до» и «после» времен войны. «До»: город полон жизни, тепла и ласки, улицы полны шелковой зелени и растительности, рядом – такое родное море и дорогой сердцу запах сладких трав. Он живет в воспоминаниях людей, подсознательно они хотят увидеть его таким же, когда возвращаются, но реальность к ним сурова.

При взгляде на город «после» не всем хватает сил и смелости продолжать искать среди руин и пустыни жизнь, кто-то даже перестает замечать в нем уцелевшие деревья и ощущать запахи ягод и фруктов, видит только пустоту и разруху, камни и глину. Севастополь упоминается в воспоминаниях Егора (роман «Острова и капитаны»), который называет его городом-героем, причем в этом «титulle» присутствует не столько высшая степень отличия, даруемая официальным правительственным указом, сколько личное переживание уникальной судьбы легендарного российского форпоста на Черном море.

В этом же романе, во второй его книге («Граната»), Херсонес описывает Гай, вместе с мальчишками изучая его разрушенные и заброшенные постройки, необъятное море, прячущее в себе исторические артефакты и омывающее тысячелетние камни. Севастополь в его глазах ярок настолько, что способен ослепить, но это ни в коем случае не минус – наоборот, стоит позволить себе «слиться» с этим городом, как ощущаешь его свободу и тепло, дышишь полной грудью, чувствуешь сладкий травянистый запах.

Херсонес описывается и в «Шестой бастионной»: тут и освещенные солнцем белые дома, и зелень пустырей, и желтые обломки

построек прошлого, и неизменно синее море. Где вода – там и различные суда, где дворы – растущие каштаны, где новый детский парк – там и воспоминания о прошлом, где трава – там осколки и черепица древних времен, где камни и заросли – там и тысячелетний мрамор колонн. Не подводят и запахи: ощущение теплых трав и моря не обманет.

Да, Севастополь был разрушен, но это не город исключительно прошлого: у него есть и настоящее, и будущее; в нем живут люди, которые верят, что все разрушения и смерти были не зря, а значит, нельзя опускать руки, нужно восстанавливать город. Кто-то из них даже говорит, что Севастополь может стать еще лучше, чем был до войны.

Крым как таковой, вне привязки к какому-то конкретному городу, упоминается в цикле повестей «Мушкетер и фея и другие истории из жизни Джонни Воробьева», упоминается, правда, во сне, но даже сна хватает, чтобы всеми органами чувств ощутить тепло крымского солнца и ветра, услышать шум моря, вдохнуть запах миндаля, увидеть буйство растительности. Там хорошо и уютно. Вспоминает о Крыме и девочка Лена в повести «Лерка»: его запах трав и сухих камней, скалистые берега, шумное море.

Приморским является Город из повести «Трое с площади Каронад». Слово «Город», используемое в качестве топонима, пишется с большой буквы еще и потому, что Крапивин в каком-то смысле наделяет этот Город душой, жизнью, как будто он является одним из главных героев наравне с мальчишками.

В ранних рассказах «Страна Синей Чайки» и «Камень с морского берега» описывается приморский Город Острых Крыш (который делится на Старый Город, где мостовые заросли травой, а в переулках так легко потеряться, и город Новый, с высокими домами и широкими улицами) и кратко упоминается довоенный Ленинград.

Даже в вымышленном приморском городке Льчевске из повести «Взрыв Генерального штаба» наличествует привычный исторический антураж, воплощенный в оставшихся трех бастионах, чувствуется, как спокойствие и тишина заброшенных мест сменяются суетой и динамикой центральных площадей и улиц, рынков и бухт, солнце освещает белые дома, запах теплых камней и треск цикад напоминают о близости моря. Мальчишке в таком городе неизменно захочется долгих прогулок и опасных приключений, будь он рожден на нашей планете или в параллельной вселенной.

Подытоживая, скажем, что приморские города, обладающие описанными выше параметрами, фигурируют в таких произведениях Крапивина, как рассказ «Страна Синей Чайки», повести «Лерка», «Трое с площади Карронад», «Взрыв генерального штаба», «Палочки для Васькиного барабана», романы «Острова и капитаны», «Фрегат "Звенящий"», «Давно закончилась осада...», циклы «Шестая бастионная», «Мушкетер и фея и другие истории из жизни Джонни Воробьева».

Из тех приморских городов, которым даны названия, можно выделить Город Острых Крыш, вымышленный Город (с большой буквы), реальный Севастополь/Херсонес, вымышленный Византийск, вымышленный Льчевск и помещенный в пространство воспоминаний, и, естественно, исключенный из реального крымского контекста довоенный Ленинград.

Приморские города у Крапивина имеют общие черты, из чего можно сделать вывод, что, описывая их, за исключением, как трудно догадаться, довоенного Ленинграда, он, вероятнее всего, вдохновлялся Севастополем – городом, который всегда оставался для него важным и любимым. В интервью он не раз упоминал, что считает его своей второй родиной и влюблен в этот город всем сердцем. Об этом он пишет и в цикле «Шестая бастионная»: в нем город не скрывается под другими именами, а предстает во всей красе и, скажем так, топонимической достоверности. Так, Крапивин упоминает Большую Морскую улицу, которая и сейчас является одной из центральных улиц города, частью Центрального городского кольца, Владимирский собор, где захоронены севастопольские адмиралы. Южная бухта Севастополя удобна для стоянки кораблей. С момента основания города она использовалась практически – для флота. Вот и в художественном мире упомянутого цикла на подходе к бухте можно услышать, как на военных кораблях играют горнисты, и увидеть, как под игру трубачей будут подняты флаги.

Улицы Советская, Одесская, Очаковцев, три школы неподалеку друг от друга, район Зеленая горка, вид на Инкерман – автор описывает реально существующие географические объекты, как бы приглашая читателя путешествовать с ним по улицам любимого города. Благодаря писательскому мастерству Крапивина, мы почти настоящему можем услышать гомон детей у школ, увидеть лучи солнца, пробегающие по виноградной зелени у старой калитки, про-

чувствовать, как под вечер становишься «пропитанным» морем и солнцем.

И, конечно, сама Шестая Бастионная улица, давшая название циклу, также существует в Севастополе, для автора она имеет особое значение, хотя в ней нет ничего особенного. Но она, убегая к морским обрывам, удивительно переплетается для него с улицами детства.

В повести «Трое с площади Карронад» прототипом Города тоже стал Севастополь: многие географические названия легко угадываются, даже если их названия изменены, однако в измененных названиях часто дается «подсказка», с помощью которой владеющий соответствующими знаниями человек сможет провести аналогию. Например, «артиллерия» и «орудия» – довольно схожие по смыслу слова. Артиллерийская бухта, реально существующая и расположенная в центре Севастополя, была названа так из-за складов для артиллерийских снарядов, которые находились на берегах бухты. Она-то и стала прототипом для Орудийной бухты в повести «Трое с площади Карронад».

Реально существующий район Учкучевка стал прототипом для выдуманной Качаевки, а станция «Инкерман-1» – для вымышленной станции «Черная речка». Школа № 20 имеет немало сходств с Севастопольской школой № 3 на улице Советской, причем школа № 3 на Советской, в свою очередь, фигурирует в «Шестой Бастионной». Кроме того, известно, что в ранних набросках повести «Трое с площади Карронад» прямо говорится о Севастополе. И символично то, что писатель называет его Городом с большой буквы: для него это и в самом деле Город, любовь к которому он хранил в своем сердце.

Таким образом, можно сделать вывод, что некоторые приморские города из корпуса художественных произведений Крапивина, в том числе и безымянные, соотносятся с реальным Севастополем.

Послевоенный Севастополь описывается в таких произведениях, как «Давно закончилась осада» и «Граната». Но при этом он неразрывно связан с Севастополем героическим, дух которого воплощен не только в памятниках, но и, например, в руинах и развалинах, по которым путешествуют мальчишки, наталкиваясь на следы минувших войн.

И все же Севастополь, Крым, Черное море для Крапивина – это вечная мечта: несмотря на вызванные войной разрушения, город не терял своего очарования, он продолжал дышать морем и цвести. Ав-

тор подчеркивает, что даже сквозь послевоенную разруху он продолжал видеть мирный и солнечный прибрежный город.

Не случайно в повести «Мушкетер и фея» Крым, пусть даже во сне, противопоставляется подмосковному городу: писатель не раз признавался, что в детстве ему не хватало моря, и из «сухопутной» Тюмени, где он провел детство, его тянуло к морям и кораблям. Однако Тюмень – прямо и косвенно – фигурирует в крапивинских произведениях чрезвычайно часто.

Так, Тюмень становится прототипом некоторых крапивинских городов из **первой группы**. Очевидно ее сходство с вымышленным городом под названием Турень из повести «Белый шарик матроса Вильсона». К такому выводу можно прийти, исходя даже из названий этих городов, схожих в плане произношения и написания. Столь же безусловна вторая причина: Турень можно толковать как «Город на Туре», а, как известно, именно на Туре стоит Тюмень. Название города по реке в произведении обусловлено не только лингвистической, но и художественной логикой: в мире повести река занимает одно из центральных мест. Кроме того, этот факт подтверждает и сам Крапивин в одной из бесед с читателями [Крапивин 1993].

Пространственный образ Турени создается посредством описания мест реальной Тюмени. Более того, Турень, какой ее видит герой повести Стасик Скицын, и Тюмень, какой ее видел сам Крапивин, очень похожи. Такой вывод можно сделать, если обратить внимание на то, как описывал родной город писатель: заросшим травой, с дворами, полными сказок и загадок, с улицами, застроенными зданиями, позволяющими ощутить присутствие волшебства в повседневности, с множеством запутанных переулков, с манящим к себе старинным монастырем, с подземными ходами под откосами реки. Неудивительно, что при написании повести «Белый шарик матроса Вильсона» автор вдохновлялся этими образами, оставившими глубокий след в его сердце.

В названии Новотуринска также есть корень «-тур-». Есть здесь и речка Туринка, хотя и с желтоватой водой. Однако упоминается, что в прежние времена она была полноводнее, по ней сплавлился лес и даже ходил пароходик местного заводчика Крутиса.

Чтобы сравнить городское пространство «сухопутных» произведений Крапивина с реальной Тюменью, необходимо вспомнить, где жил и учился писатель. Сделать это можно с помощью его автобиографических материалов. В автобиографическом цикле «Ржав-

чина от старых якорей» он пишет, что позади его дома и двора находился крутой спуск в лог с речкой Тюменкой. Вновь можно фонетически сопоставить названия «Тюменка» и «Туринка».

Школа, в которой учился Крапивин, располагалась на улице Ленина в Тюмени. В настоящее время на этом месте расположен Департамент имущественных отношений администрации Тюмени, но сама постройка осталась прежней: каменное здание с полуподвальным и первым этажами. Автор упоминает эту школу в повести «Тень каравеллы»: «Наша маленькая школа занимала старинный дом, в котором до революции жил какой-то купец. Мы учились на верхнем этаже, а нижний, полуподвальный, всегда пустовал» [Крапивин 1994, 35]. В Тюмени находится и Спасская церковь, в которой в школьные годы писателя располагалась библиотека. Ее описание также находит свое место на страницах повести «Тень каравеллы»: высокая башня со шпилем, колокольня старой церкви, в которой помещалась тогда городская библиотека, с белыми стенами – такая белизна бывает только у свежего куска мела. Но Крапивин отдельно отмечал, что «не все башни были белыми» [Крапивин 2001, 11], наполняя город башнями из кирпича и дерева, узорчатыми и красными башенками.

Отдельное место в городском пространстве крапивинских городов, сопоставимых с реальной Тюменью, занимают тополя: эти высокие пушистые деревья до недавнего времени росли в Тюмени практически повсеместно. В повести «Тень каравеллы» громадный тополь растет у крыльца дома главного героя, причем является самым высоким деревом в городе. Когда ветер сдувает с него пушинки, они начинают кружить в причудливом белом танце, создавая теплую метель, из-за которой дома, заборы и деревья кажутся зыбкими. Город Старотополь, в свою очередь, по названию созвучен не только с реально существующим Ставрополем, но и с фитонимом, который неизменно встречается на страницах его произведений, – тополем.

Хотя в раннем рассказе «Камень с морского берега» и говорится о море, фигурирует оно только в монологах девочки Гали, сами герои живут в неназванном небольшом сибирском городке. Здесь есть госпиталь, техникум, двухквартирные домики, дворы, тополя, Спасская церковь с голубями над ней, причем ребята, увлекающиеся мечтами о море, проводят аналогию с чайками, кружащими над маяком. В этих описаниях городского пространства, упоминающихся

вскользь, также угадывается Тюмень, являющаяся сибирским городом.

В повести «Колыбельная для брата» название места действия не упоминается, но здесь вновь присутствует речка Туринка, которая сливается с Окой. Также описывается Андреевское озеро, которое не указано на карте страны, а на карте области кажется всего лишь маленькой синей запятой. Озеро с таким названием и в самом деле существует в Тюменской области вблизи поселка Боровский.

Произведений малых и больших форм, в которых открыто или подспудно присутствует Тюмень, у Крапивина очень много: в одном из интервью писатель сказал, что, если верить подсчетам одного преподавателя, упоминание Тюмени встречается в его произведениях более семидесяти раз [Крапивин 2006]. Если говорить о топонимической составляющей художественного мира Крапивина, то необходимо отметить, что географические названия в его произведениях можно условно разделить на две категории: реально существующие и вымышленные. Например, к реально существующим следует отнести улицы Чехова, Садовую, Первомайскую, Павлика Морозова из повести «Звезды под дождем». Улицы с такими названиями есть почти в каждом городе стран постсоветского пространства и могут считаться типическими, максимально распространенными. Их упоминание позволяет читателю глубже погрузиться в описываемый автором мир, лучше представить город, в котором происходят события, но при этом довольно сложно установить, о каком конкретно городе идет речь. Границы стираются: создается ощущение, что невероятные приключения произошли со знакомым мальчишкой с соседней улицы или даже с самим человеком, читающим книгу.

Другое дело – вымышленные географические названия, благодаря которым произведение становится более фантастическим. Но и они в большинстве своем базируются на реальных: существующие в действительности объекты как бы скрываются за другими наименованиями, которые автор создает, используя словесные замены и ориентируясь на фонетическую структуру.

Помимо Севастополя и Тюмени, за вымышленными городами в творчестве Крапивина зачастую скрывается еще и Екатеринбург, в котором писатель также жил много лет и основал отряд «Каравелла». В романах «Мальчик со шпагой», «Бронзовый мальчик» и «Рыжее знамя упрямства» говорится о городе Преображенске (до 1991 года – Краснодарержинске). Как и Екатеринбург, это довольно круп-

ный не морской город, сменивший советское названия на историческое в 1991 году. Прототипом находящегося там Орловского озера стал Екатеринбургский Верх-Исетский пруд, прототипом полуострова Зеленого – остров Зеленый, к лодочной станции так же идет трамвайная линия, а кроме того, в Екатеринбурге жил декабрист Вишневский, в доме которого живет герой книги «Бронзовый мальчик» – мальчик Кинтель.

Города **второй группы** тоже описываются Крапивинным с учетом его собственных ощущений, которые он «вкладывает» в видение своих героев. Это города черной и грязно-белой расцветки, где нет места тесному соседству старого с новым, а уютные улочки и прежняя архитектура стремительно вытесняются новыми застройками. Крапивин критически отзывался о подобном вытеснении. О Екатеринбурге он в свое время говорил, что город становился для него чужим и неузнаваемым, а новые постройки лишали город его индивидуальности [Крапивин 2007].

Описаний подобных городов в его творчестве сравнительно немного, но все же их необходимо было выделить в отдельную группу. Одним из таких городов является Усть-Каменск из повести «Трое с площади Карронад». Город не нравится Славику, он видит только многоэтажные коробки домов, обледенелый снег, черные ветки голых деревьев, черные угольные кучи у котельных, дым, копоть и подернутое дымкой зимнее небо. Примечательно, что в этом произведении рисуется зимний пейзаж, тогда как во многих других книгах Крапивина приключения героев происходят летом, читатель ощущает свежий ветер, видит зелень деревьев, распутившуюся сирень, погружается в запахи травы, чувствует свободу и счастье.

Название города Усть-Каменска³ вымышленное. Приставка Усть- по одной из версий восходит к понятию «устье», и можно предположить, что этот населенный пункт расположен близ места впадения реки в какое-либо водохранилище или реку. Но все же далеко не все населенные пункты с данной приставкой в названии расположены в местах впадения рек. «Каменск» же, возможно, восходит к слову «камень», ведь в городе Славик видит множество высоток, массивных, мрачных и равнодушных, словно камень.

---

³ Название города Усть-Каменск переключается с названием города Усть-Каменогорск.

Можно предположить, что столь отрицательные эмоции от города возникают у Славика только из-за его непростой жизни и обусловлены его психологическим состоянием, но это верно лишь отчасти. Когда он переезжает в приморский город, ему сразу становится легче. Он восхищается теплом ласковой ночи, трелями ночных кузнечиков и высоким черным южным небом, с которого на него смотрят звезды. Усть-Каменск противопоставляется приморскому городу, автор использует контрастные описания.

В отличие от городов **первой группы**, Усть-Каменск и ему подобные города вряд ли списаны с каких-либо конкретных населенных пунктов в реальности: они, скорее, представляют собой собирательный образ среднестатистических мегаполисов. Однако даже в крупных городах в реальности старое продолжает соседствовать с новым, есть много зеленых насаждений и красивых уголков. Можно сделать вывод, что описания городов **второй группы** в произведениях Крапивина во многом базируются именно на субъективных впечатлениях героев, а их детское воображение способно не только приукрашивать реальность, но и, напротив, видеть ее мрачной и пугающей.

Возвращаясь к теме приморских городов, сравним их пространство с описанием вымышленного города Зурбагана, фигурирующего во многих произведениях одного из любимых писателей Крапивина – Александра Степановича Грина.

Поводом для их сравнения является то, что прототипом Зурбагана Грина также является Севастополь. Впервые Грин оказался в Севастополе в 1896 году в качестве матроса грузо-пассажирского судна, и хотя он пробыл там всего несколько часов во время стоянки, ему довелось увидеть Севастопольский рейд и Южную бухту. Второе знакомство с городом произошло в 1903 году. В своей «Автобиографической повести» писатель подтверждает: «Некоторые оттенки Севастополя вошли в "мои" города», в том числе Зурбаган» [Грин 1932, 136].

Подробнее всего Зурбаган описан в рассказе «Зурбаганский стрелок» (1913 г.), и это описание не оставляет сомнений, что город действительно списан с Севастополя. Главный герой, остановившийся в гостинице Зурбагана, обходит город, подмечая его черты. Упоминается, что город разросся, в нем появилось больше следов цивилизации: электричество, яркие вывески, большие дома, но все это не лишает его оригинальности. Это просвещенный город, в нем

есть театры, гостиницы, трамвай и вокзал, расположенный на границе между Зурбаганом и Лиссом.

Исследователи отмечают, что трудно дать более художественно точную картину Севастополя начала двадцатого века, чем та, которую описывает Грин [Петрова 2005]. Действительно, в это время на центральных улицах развернулось бурное строительство, строились четырехэтажные дома (которые писатель и называет «большими»), на их первых этажах помещались магазины с привлекательными вывесками, на Приморском бульваре разрастались деревья.

Большое количество садов, кольцеобразно расположенные узкие улицы, крутые, сходящие и нисходящие каменные лестницы, ведущие под темные арки или на брошенные через улицу мосты; площади и рынки; тесная, пестрая и шумная гавань; остроконечные крыши с розовой черепицей – все это позволяет нарисовать в «Зурбаганском стрелке» объемную картину городского пространства.

У каменной набережной теснятся мачты над раскаленными палубами, паруса, набирая в себя ветер, хлопают, как огромные пузыри. На берегу – запахи свежей рыбы и акации, в лавках можно найти горячую похлебку, рагу, лепешки, пироги, фрукты, и босоногие мальчишки целый день толкуются вокруг них. По вечерам можно насладиться торжественными закатами, соединяющими лучи гаснущего солнца с их отражениями в черноморской воде. Очевидно, что гавань Зурбагана в этом рассказе – Артиллерийская бухта Севастополя, к которой примыкал севастопольский рынок.

Таким образом, можно сделать вывод, что между Зурбаганом Александра Грина и приморскими городами из произведений Владислава Крапивина действительно много общего. Это и узкие улочки, и невысокие дома с палисадниками, и зеленые деревья, и каменные лестницы, и соленый морской воздух. Чем ближе герои произведений подходят к берегу и гавани, тем сильнее ощущается атмосфера приморского города, с его шумом рынков, морским ветром, корабельными судами, мачты которых поднимаются к небу. Можно лишь сделать поправку на то, что действие произведений Грина, в которых фигурирует Зурбаган, происходит в самом начале двадцатого века, а события произведений Крапивина разворачиваются значительно позже. Зурбаган-Севастополь Грина еще не затет войной, не лишился своего не тронутого разрушениями очарования.

Зачитываясь книгами Крапивина, невольно задумываешься, существуют ли на карте нашей Родины такие удивительные и живо-

писные места. Можно сделать вывод, что в большинстве произведений писателя города имеют реально существующие прототипы, причем такие, с которыми связана жизнь самого автора, где он жил, учился и работал.

Проводя сравнение реальных городов с теми, что созданы художественным воображением Крапивина, можно заметить множество случаев их сходства, вплоть до настоящих географических названий. Не исключено, что ощущения своих героев от городов, в которых они живут, писатель передает через призму собственного восприятия, собственных воспоминаний и впечатлений о том же Севастополе или Тюмени.

Но когда Крапивин задумывается о художественном пространстве собственных книг, соотношение существующего и фантастического, его собственной памяти о городах и изображения чего-то нереального, параметры городского пространства задаются самой важной составляющей его произведений, а именно его героями. Ведь в любом городе вселенной Крапивина будет жить хотя бы один подросток, гуляющий между высоток и деревянных домов, который никогда не видел моря, но думает о нем каждый раз, когда проходит мимо речки или озера, либо, наоборот, изучающий морские просторы и крепости.

Основой книг писателя являются мечты и приключения мальчиков и девочек, их мышление и устремления, идеалы и ценности, дружба и иные взаимоотношения, связанные с восприятием прошлого, поведением в настоящем и планами на будущее. Городское пространство – их неизменный спутник, окружение, порой катализатор событий. Чем больше случается историй и событий, тем шире разрастается художественная вселенная.

Поэтому, несмотря на то что в произведениях Крапивина можно увидеть черты реальных российских городов и их сопоставление с литературными «двойниками» вполне правомерно, городское пространство крапивинского художественного мира нельзя считать калькированным и воссозданным исключительно для фиксации памяти о реальных местах и объектах. Как подчеркивал Гастон Башляр, в поэтическом образе «давнее прошлое резонирует множеством отголосков, и неясно, на какой глубине отражаются и затухают эти отзвуки» [Башляр 2004, 8].

Крапивин, естественно, не единственный писатель, на страницах книг которого можно увидеть образы знакомых населенных

пунктов, даже не единственный, для кого стал значимым Севастополь, нашедший свое отражение в описаниях многих приморских городов. Но городское пространство произведений Крапивина с полным основанием можно считать уникальным, поскольку оно является существенной предпосылкой формирования крапивинской художественной мифологии, которую невозможно спутать ни с одной другой.

Источники

Грин 1932 – Грин А. С. *Автобиографическая повесть*. Л., 1932.

Крапивин 1993 – Крапивин В.П. *Беседа с В. Крапивиным 29 декабря 1993 года* // Альманах «Та сторона». 1993–1994. №4. URL: http://www.rusf.ru/vk/interv/int_93.htm (дата обращения: 30.10.2020).

Крапивин 1994 – Крапивин В.П. *Тень каравеллы* // Крапивин В.П. *Тень каравеллы*. Н.Новгород, 1994. С. 5–172.

Крапивин 2001 – Крапивин В.П. *Белые башни родины*. Автор, 2001. 19 с. URL: <https://www.litres.ru/vladislav-krapivin/belye-bashni-rodiny/> (дата обращения: 31.10.2020).

Крапивин 2006 – *Владислав Крапивин: Тюмень – Город-сказка* // Вслух.ру. 2006. URL: <https://vsluh.ru/news/interview/80997> (дата обращения: 29.10.2020).

Крапивин 2007 – Крапивин В.П. *Владислав Крапивин: взрослых не переделаешь* // NewsProm.Ru. 2007. URL: <http://newsprom.ru/pda/62780.html?r=1> (дата обращения: 29.10.2020).

Литература

Башляр 2004 – Башляр Г. *Избранное: Поэтика пространства*. М., 2004.

Петрова 2005 – Петрова И.И. *Топография севастопольских предместий в рассказах А.С. Грина 1913-1916 годов* // К 125-летию Александра Грина: сборник статей по материалам Международной научной конференции «Актуальные проблемы современной филологии». Киров, 2005. С. 102–104.

THE SPECIFIC CHARACTER OF URBAN LANDSCAPE IN THE WORKS OF VLADISLAV KRAPIVIN

© **Markina Darya Ilinichna (2020)**, ORCID: 0000-0002-7379-7896, student, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (23 Prospekt Gagarina (Gagarin Avenue), Nizhnij Novgorod, 603950, Russian Federation), youcancallmenetsha@mail.ru

The article deals with the artistic features of the urban landscape in the works of the Russian writer Vladislav Kravivin. The setting plays a crucial part in the plot outline, creating the big picture and affecting the characters' actions, personalities,

dreams, and attitudes to the past and the present. The space inhabited by the characters exists according to its own laws which make it unique and self-sufficient. The aim of the research is to compare the artistic depiction of urban space to real cities and towns existing in Russia. The author of the article dwells on whether it is reasonable to state that the towns of Krapivin's books are not entirely fictional, but are based on real prototypes reflecting a connection to the writer's own life. The research materials comprise Krapivin's works written over the years. The author compiled an index of towns, conveniently classified into three groups according to their specificities, atmosphere, and characteristic features. The most significant group is made up of maritime towns that bear a strong resemblance to Sevastopol, which played an important role in Krapivin's own life. The author puts his personal perception of the city into the souls of his characters, who dream of far journeys and unknown seas. The readers' impression about the group of maritime towns is created through vivid and colorful descriptions of surroundings, that in the course of analysis give the opportunity to draw a parallel between the towns and actual geographical objects. The final part of the article considers the similarities of Krapivin's artistic space of maritime towns to the depiction of the fictional town of Zurbagan from the works of the Russian writer Alexander Grin. Indeed, Zurbagan, mentioned in a number of the author's works, is also based partially on Sevastopol, which makes it possible to conduct a comparison of the towns and to find certain similarities between them.

Keywords: V.P. Krapivin, urban landscape, maritime towns, Sevastopol, A.S. Grin, memory.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Петрова 2005 – Petrova I.I. *Topografiya sevastopol'skikh predmestiy v rasskazakh A.S. Grina 1913–1916 godov* [Topography of the Sevastopol suburbs 1913–1916 A.S. Grin works]. A. S. Grin: Vzgl'yad iz XXI veka. K 125-letiyu Aleksandra Grina: Sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Aktual'nyye problemy sovremennoy filologii». Kirov, 2005. S. 102–104. (In Russian).

(Monographs)

Башляр 2004 – Bashlyar G. *Izbrannoye: Poetika prostranstva* [The best: Poetics of landscape]. Moscow, 2004. (In Russian).

Поступила в редакцию 17.08.2020